

Д. Б. Левин. Триумф совет
Д. Б. ЛЕВИН

355665

**НИЧЕГО НЕ ЗАБУДЕМ
И НИЧЕГО НЕ ПРОСТИМ
ФАШИСТСКИМ ПРЕСТУПНИКАМ**

ОГИЗ

1942

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРМИЯ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Если хвастливая ложь о «непобедимости» германско-фашистской армии теперь, после крупнейших поражений гитлеровцев на Восточном фронте, окончательно развеялась в прах, то зато надолго останется в памяти человечества правда о жутких зверствах и преступлениях этой армии, беспримерных в истории войн.

С самых ранних ступеней развития цивилизаций воюющие народы устанавливали известные правила поведения в войне, отвечавшие их понятиям о воинской чести. Еще в древности и в средние века осуждалось нападение без объявления войны, употребление отравленного оружия, убийство безоружных и т. д.

В современных войнах отдельные лица или воинские части, нарушающие общепринятые международные законы и обычаи войны, рассматриваются воюющими сторонами, как бандиты, как уголовные преступники, которых противник вправе расстрелять и которые подлежат суровому наказанию даже по законам их собственной страны.

В ныне происходящей войне в качестве таких бандитов и преступников выступает все гитлеровское войско, попирающее элементарные нормы между-

народного права и элементарные основы человеческой морали.

Продолжая гнусные традиции германского империализма, прославившегося наглыми нарушениями законов и обычаев войны, гитлеровцы возвели вероломство, разбой и бесцельные жестокости в последовательно проводимую систему войны.

«Я провожу политику силы, не беспокоясь о мнимом кодексе чести»—говорит Гитлер (эти слова приводятся в книге его бывшего соратника Германа Раушнинга «Голос разрушения», изданной в Лондоне в 1940 г.). Гитлер заявляет, что слово «преступление» устарело, а есть только положительные или отрицательные активности, и как «активность» преступление правомерно. Гитлеровские полчища, воспитанные в духе этих людоедских заповедей,— это не воюющая армия в обычном понимании этих слов, а военно-организованная банда преступников. Бандитизм, будучи методом внутреннего управления фашистов, является и их методом ведения войны.

В противоположность элементарным положениям международного права, гитлеровские бандиты выдвинули теорию так называемой «тотальной войны», целью которой, как разъяснял официальный журнал германской военщины «Дейче Вер», является «тотальное уничтожение, полное и решительное исчезновение побежденного с исторической арены». Зверства и жестокости в отношении не только неприятельских войск, но и мирного населения рассматриваются гитлеровцами, как неперемнное средство «тотальной войны», поскольку, по их мнению, такие действия подавляют дух неприятеля и тем

способствуют «молниеносному» окончанию войны. «Террор необходим,—говорил Гитлер в беседах с Раушнинггом,—не только в силу его непосредственного эффекта, сколько ради его роли в деле сокрушения воли противника к сопротивлению». «Мы должны быть жестокими со спокойной сознательностью... Пора прекрасных чувств миновала. Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир: молодежь резкую, требовательную и жестокую... Мне нужны люди с крепкими кулаками, которых не останавливают принципы, когда надо уколошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности, плевать мне на это». (Раушнинг «Голос разрушения»).

Разжигая звериные инстинкты среди своих головорезов, Гитлер стремится внушить им особую ненависть по отношению к славянским народам. В своей погромной книжонке «Моя борьба» он писал: «Если мы хотим создать великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и перебить славянские народы—русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого». Он призывал своих солдат превратить славянские народы в бесправных рабов немецких завоевателей и физически истребить весь цвет славянского населения, убивая без всякой пощады всех тех, кто не захочет подчиниться рабству.

В этом духе годами воспитывал Гитлер свои фашистские орды. В этом духе германское военное командование разослало целый ряд инструкций и приказов своим войскам на Восточном фронте.

Германия формально участвует в ряде соглаше-

ний о праве войны. Но могут ли эти соглашения и конвенции связывать бандитов, которым их атаман решительно предлагал «заметить себе раз и навсегда, что пакты и соглашения не имеют никакой постоянной ценности». Его подручный Геббельс открыто заявил: «гуманизм, культура, международное право—для нас пустые слова». И действительно, нет ни одной нормы международного права, и в том числе права войны, которая не была бы варварски нарушена фашистскими бандитами.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ БАНДИТОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННО- ПЛЕННЫМ

Международное право рассматривает военнопленных как лиц, временно задерживаемых воюющими государствами для того, чтобы они не могли вернуться в действующую неприятельскую армию. Гаагское «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» предписывает обращаться с пленными человеколюбиво, оставлять в их собственности все их личное имущество, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг (ст. IV). Пленные могут привлекаться к работам, но эти работы не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Они должны оплачиваться по расчету цен, существующих для чинов местной армии, или по ценам, соответственным произведенным работам, причем заработок пленных назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении за вычетом

расходов по их содержанию (ст. VI). Государство, во власти которого находятся военнопленные, принимает на себя обязанности по их содержанию и должно предоставлять им такую же пищу, помещение и одежду, как и своим собственным войскам (ст. VII) и т. д.

Гитлеровские бандиты превратили режим военнопленных в режим зверских пыток и хладнокровное истребление безоружных людей. Факты, приведенные в известной ноте тов. Молотова от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», разосланной всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, факты, ежедневно сообщаемые в советской и иностранной печати, рисуют картину чудовищного застенка. «Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубают пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части». (Из ноты тов. Молотова).

Вот несколько из числа приведенных в ноте фактов. В Украинской ССР, на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки после отступления немцев были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям,

а на телах чернелись пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же неподалеку был найден еще один труп красноармейца с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. На северо-западном фронте, при взятии Красной Армией деревни Холмы, было обнаружено, что красноармеец Андрей Осипов был сожжен на костре. В одном из пунктов западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь» было найдено одиннадцать обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, сожженных фашистами. В деревне Лагутино немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части.

В нашей печати был опубликован рассказ военюриста Капустянского, находившегося несколько недель в тылу у врага. Он рассказывает: «В деревне Охотищи я видел трупы двух замученных командиров Красной Армии. Крестьяне рассказали, что стоявшие в деревне немцы захватили в плен этих лейтенантов. Им приказали раздеться догола и допрашивавшие их били чем попало и кололи штыками, а затем зарезали. Их тела были покрыты колотыми ранами».

Красноармеец Быстроков, взятый в плен немцами, был посажен в амбар, где уже находилось 13 пленных красноармейцев и 1 капитан. «Минут через десять,—рассказывал впоследствии тов. Быстроков,—нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкий солдат вывел из строя капитана и двух красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана,

прострелили ему правую, затем левую руку, потом левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал ему нос, потом уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось. Тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его».

Немецкие солдаты и офицеры отбирают у пленных все вещи, вплоть до обуви, одежды и белья, оставляя их разутыми и раздетыми или швыряя им взамен лохмотья. Зачастую пленным не дают никакого помещения и, несмотря на холодную погоду, держат под открытым небом. Ударами палок и дубинок их выгоняют на тяжелые работы, а уставших и обессиленных забивают до смерти. Разумеется, ни о какой оплате труда пленным не возникает и речи. Пленных морят голодом, оставляя их по целым неделям без пищи или выдавая ничтожные порции испорченных продуктов, обрекающие их на мучительную голодную смерть.

Так например, как указывалось в ноте т. Молотова, в Порховском лагере для военнопленных пленным красноармейцев круглые сутки¹ держат под открытым небом, несмотря на холодную погоду. Рано утром их выгоняют на работы, не считаясь с состоянием здоровья. Во время работы охрана, состоящая из финских и немецких солдат, непрерывно подгоняет пленным плетью, а заболевших и ослабевших забивает палками до смерти. В пересыльном пункте для военнопленных в районе села Демьяновка, Украинской ССР, пленные также находятся под открытым небом. Им дают только ничтожное количество вареного проса. Многие пленные умирают от

истощения. В лагере для военнопленных в местечке Корма, Белорусской ССР, пленным вместо пищи бросают за колючую проволоку трупы дохлых лошадей.

- Зверское обращение с советскими военнопленными неоднократно привлекало внимание и иностранной печати. По сообщению газеты «Крисчен Сайенс Монитор», представители Красного Креста, наблюдавшие режим советских военнопленных в Германии, рассказывали: «Советские военнопленные плохо одеты, не получают достаточно продовольствия и проводят ночи под открытым небом, несмотря на холодные ветры и морозы». Агентство «Пресс Ассошиейшн» недавно привело факт возмутительного издевательства над советскими военнопленными, посланными немцами в Голландию. Пленных целый месяц держали в самых ужасных условиях. Им запретили бриться, отняли у них одежду, заменив ее грязными лохмотьями, морили их голодом. После этого фашистские варвары загнали советских пленных в товарные вагоны и перевозили их из одного города в другой «на показ голландскому населению», утверждая, что захватили красноармейцев в плен в таком виде. Норвежское телеграфное агентство в Лондоне привело факт аналогичного издевательства над советскими военнопленными, отправленными немцами в Норвегию. С них сняли теплую русскую одежду и дали им взамен рваные и грязные лохмотья. В течение ряда недель им не давали возможности помыться и побриться, а затем корреспонденты германских газет фотографировали их для того, чтобы убедить германское население в

«жалком состоянии» бойцов советской армии. Очевидно, подобного рода глумление над военнопленными принимает систематический характер, составляя вместе с тем, обычный жульнический трюк фашистской лживой пропаганды.

«Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных,—указывается в ноте т. Молотова,—германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим». За малейшее нарушение установленных для пленных каторжных порядков они массами расстреливаются. Так например, в Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы четыре месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, то немецкий офицер спросил—кто писал это заявление—и пять человек красноармейцев, подтвердивших, что это заявление писали они, тут же были расстреляны. В Чернухинском лагере только за один день 17 сентября было расстреляно 95 человек. Эти расстрелы совершаются с такой легкостью, что отдельные фашистские командиры, как например командир 47-го танкового корпуса генерал Лемельзен, вынуждены были констатировать «ряд бессмысленных расстрелов как пленных, так и штатских»; разумеется фашистский генерал отнюдь не стремился прекратить расстрелы, а хотел придать им, так-сказать, более организованный характер: в заключение своего приказа он подчеркивал, что «это распоряжение не должно внести никаких изменений в приказ фюрера

относительно беспощадной расправы с партизанами и большевистскими комиссарами», поощряя этим самым дальнейшие жестокости над военнопленными.

Все эти волюющие зверства совершаются по прямым директивам германского правительства и военного командования. В инструкции главного командования германской армии об отношении к военнопленным, изданной в 1940 году, предписывается рассматривать военнопленных, как опасных врагов (§ 18). Приказ по 60-й мотопехотной дивизии указывает, что «нельзя допускать человеческого отношения к пленным». Приказ по 14-му пехотному полку предлагает «ни при каких обстоятельствах не выдавать военнопленным полноценных продуктов». Германское верховное командование и министерство продовольствия и земледелия установило для советских военнопленных такие нормы питания, как например: 600 граммов хлеба и 400 граммов мяса на человека в месяц, т. е. нормы, обрекающие человека на верную голодную смерть. Истребление военнопленных иногда предписывалось совершенно открыто. Так, например, приказ по одному из пехотных немецких полков гласил: «Пленных расстреливать; мы не можем на них тратить продукты, когда немецкие части не получают суточного рациона. Желательно перед ликвидацией пленных отбирать небольшую группу высококвалифицированных рабочих (не старше 30 лет, физически крепких) для работы на заводах в Германии».

В самой Германии, где в каторжных условиях работают около полутора миллиона военнопленных из разных стран, пленные не получают никакой зара-

ботной платы, зато администрация лагерей присваивает 60 проц. тарифной ставки в качестве компенсации за труд каждого военнопленного. В лохмотьях, обезсилевшие от голода пленные еле доходят до места работы.

Германские власти старательно изолируют пленных от гражданского населения, чтобы привить всем немцам такую же жестокость, какая предписывается германским войскам. По специальному распоряжению министерства внутренних дел, «какое бы то ни было сношение с военнопленными воспрещается». За нарушение этого запрета суды выносят суровые приговоры. Так например, по сообщению польской печати, издающейся в Соединенных Штатах, в Рейнской области была присуждена к 6 годам принудительного труда молодая немка за то, что она гуляла по улицам с польским военнопленным. Одна уроженка Эльзаса была осуждена на три месяца тюрьмы только за то, что она дала стакан пива польскому рабочему. В германских газетах неоднократно публикуются «для устрашения» подобные приговоры. По сообщению фашистского официоза «Фелькишер беобахтер», в Нидерлаузитце был приговорен к 6 месяцам тюрьмы один 60-летний предприниматель, у которого работали польские пленные, за то, что он «разговаривал с поляками и даже обещал одному из них отослать письмо к его жене». Кара не минует даже лиц, принадлежащих к привилегированным классам. Вот что сообщала фашистская газета «Нейе Таг» от 5 мая 1941 года: «Барон Гитлиб фон Брандт-Копаль из Кирхенбирка и его дочь Альберта были осуждены на основе доноса к

10 и к 2 месяцам тюрьмы. Эгерский суд считает доказанным, что одному из восьми имеющихся в имении французских военнопленных после ранения была наложена повязка до того, как он был отведен к врачу. Он был также накормлен ужином. Другой французский военнопленный несколько часов находился в доме помещика, где он ремонтировал электричество, при этом ему было выдано несколько сигарет. Барон и его дочь разговаривали с военнопленным по-французски и угощали его чаем, печеньем и фруктами. Обращение и сношение с этим военнопленным,—поясняла газета,—зашло слишком далеко, так как имеется запрет вступать с военнопленными в какие-либо общественные или личные отношения». Приговоры судов поощряют фашистских мерзавцев из гражданского населения к дикой расправе за общение с пленными. Так например, в районе Коттубс, по сообщению газеты «Нейе цурхер цейтунг», одна 30-летняя женщина за близкую дружбу с польским военнопленным была острижена наголо, голову ей намазали дегтем и налепили перья. Привесивши ей позорную надпись на грудь, женщину протащили через всю округу и только после этого доставили в полицейский участок.

Таким образом, человеческое обращение с пленными, предписываемое международным правом, гитлеровские бандиты карают как преступление и предписывают такое обращение, которое является преступлением с точки зрения международного права и сознания всех цивилизованных стран.

Самым гнусным преступлением гитлеровцев в отношении военнопленных является принуждение их

работать на военных работах и участвовать в военных действиях против собственной армии. Гаагское «Положение» категорически запрещает принуждать подданных неприятеля участвовать в военных действиях против их страны (ст. XXIII) и использовать пленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям (ст. VI). Эти предписания нарушались Германией еще во время первой мировой войны. Теперь же гитлеровцы дошли до того, что под угрозой расстрела заставляют пленных красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, шоферов на автомашинах и тракторах, перевозящих боеприпасы и другие военные грузы на фронте в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т. д. Они заставляют советских военнопленных очищать минные поля и производить другие опасные для жизни военные работы. В захваченном частями Красной Армии на Южном фронте приказе по 203-му пехотному полку говорится: «Верховный главнокомандующий армии генерал-фельдмаршал Румштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистки минных полей производились военнопленными. Это относится также и к германским минам». Таким образом, это чудовищное подлое преступление исходит от высшего германского военного командования и возведено в правило для всей германской армии.

Более того, «зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих ко-

лонн». (Из ноты т. Молотова). Об этих фактах совсем недавно снова сообщалось в прессе. Подобные злодеяния являются наиболее вопиющими нарушениями международного права, не встречавшимися в самых жестоких империалистических войнах.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ БАНДИТОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ

Звериные инстинкты гитлеровских людоедов находят широкое поприще для своего проявления в обращении с больными и ранеными бойцами Красной Армии, которые попадают к ним в руки. Женевская конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» 1929 г., подписанная в частности и Германией, предусматривает человеколюбивое обращение и уход за ранеными и больными без различия национальности (ст. 1). Попавшие во власть другого воюющего они пользуются правами военнопленных (ст. 2). Воюющие должны оберегать раненых и умерших от ограбления и дурного обращения (ст. 3). Конвенция предписывает также оказывать защиту и покровительство санитарным учреждениям и их личному персоналу: санитарные учреждения, как постоянные, так и подвижные, не могут быть подвергнуты нападению (ст. 6); лица, принадлежащие к военно-медицинскому персоналу, попавшие во власть неприятеля, не могут быть задержаны как военнопленные (ст. 9). Эти положения распространяются и на госпиталь-

ные морские суда (в силу 10-й Гаагской конвенции) и на санитарные самолеты (в силу ст. 18 Женевской конвенции 1929 г.).

Первая конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов была заключена еще в 1864 году, явившись одним из первых международных соглашений по вопросам ведения войны.

Но для людоеда Гитлера людские кадры даже самой Германии—это не более чем скот, который нужно гнать на убой для осуществления его завоевательных планов. «Если я буду вынужден в один прекрасный день объявить войну,—говорил он,—могу ли я разрешить себе промедлить или колебаться из-за судьбы 10 миллионов юношей, которых я пошлю на смерть» (Раушнинг «Голос разрушения»). Секретная инструкция германского штаба предписывает не выносить с поля боя тяжело раненых немецких солдат, так как они все равно не смогут уже вернуться в строй и должны считаться «неполноценными», как и те тысячи стариков и больных, которые по приказу фашистских властей умерщвляются в самой Германии. В германских лазаретах умерщвляются раненые, не подающие надежды на то, что по выздоровлении они вернутся в строй. Вот что сообщала недавно тайная радиостанция, действующая на территории Германии: «В связи со смертью фельдфебеля Герберта Беккера в полевом госпитале в Пернау выяснилось, что врачи немецких госпиталей имеют специальное указание командования умерщвлять тяжело раненых в том случае, если нет надежды на возвращение их в строй после излечения. Вопрос об умерщвлении ре-

шается в каждом отдельном случае главным врачом госпиталя, который по своему усмотрению ставит в истории болезни букву «л», что означает «летальный», или смертельный, исход. Смертельный приговор главного врача выполняется ординатором, который впускает раненому в вену от одного до двух кубических сантиметров воздуха. Через несколько секунд после инъекции наступает паралич сердца и смерть...»

Трудно себе представить, с какой зверской жестокостью обращаются гитлеровские разбойники с ранеными и больными бойцами Красной Армии.

«Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям,—говорится в ноте тов. Молотова от 25 ноября 1941 г.,—систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных больных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте». Гитлеровские палачи лишают раненых и больных советских бойцов какой бы то ни было медицинской помощи, запрещая даже сделать перевязку истекающим кровью. Они по нескольку дней оставляют их без пищи и питья. Стараясь вырвать у них показания, они подвергают их при этом изощренным пыткам: выкалывают глаза, колют штыками, вырезают раскаленными ножами пятиконечные звезды на лице и на теле и т. п.

Вот немногие из многочисленных фактов. В районе гор. Борисова, Белорусской ССР, немцы захва-

тили в плен тяжело раненых красноармейцев и всех их отравили мышьяком. Под местечком Заболотье немцы захватили в плен 17 раненых красноармейцев. Три дня им не давали воды и пищи. На четвертый день обессиленных бойцов пытались заставить встать перед фашистскими кинооператорами и кричать «Хайль Гитлер». Ни один боец не выполнил гнусного приказа. Тогда все 17 красноармейцев, истекающих кровью, были привязаны к телеграфным столбам. 12 часов под палящим солнцем простояли на площади раненые красноармейцы. Трое из них скончались от потери крови. Остальные 14 были спасены танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина, ворвавшимся в местечко и разгромившим фашистскую часть. На юго-западном направлении немецкие офицеры пытались добиться показаний от раненых красноармейцев. Не добившись ответа, они связали истерзанных красноармейцев облили бензином и заживо сожгли. У одного из красноармейцев гитлеровские звери обрезали уши, вырвали язык и содрали кожу на руках. Вблизи колхоза «Свободный труд» фашистские войска захватили полевой лазарет, в котором находились 2 раненых красноармейца. Штурмовики стали допрашивать раненых, стараясь разузнать расположение частей советской армии. Не добившись ответа, они в течение двух часов издевались над ранеными, сорвали повязки с их ран, а затем раненых бойцов повесили на телеграфных столбах вдоль улицы села.

Рассказы советских бойцов, которым удалось вырваться из фашистского плена, рисуют жуткую картину пыток и истязаний раненых. Красноармеец Зу

дин, отбитый нашими войсками, рассказывал, как его и тов. Федорова пытали в фашистском плену. Федорову фашистский офицер прожигал руки раскаленным штыком, колол грудь и спину. Не добившись ответа, он застрелил его. Зудина пытал офицер из штурмового отряда. Он отрубил ему несколько пальцев на руке, проколол ладонь правой руки и выбил глаз.

А вот рассказ красноармейца Долина о том, как его пытали фашистские палачи: «В районе Смоленска я был ранен и потерял сознание. Очнулся я от пинков по голове. Надо мной стояли немецкий офицер и два солдата. Офицер приказал солдатам поднять меня. Они подняли. На ломаном русском языке офицер стал задавать мне вопросы: «Какая часть, есть ли танки, сколько вас». Я молчал. Тогда офицер раздраженно выругался и с силой ударил меня кулаком в лицо. Я упал. Он выхватил у солдата винтовку и два раза выстрелил мне в голову. Первая пуля попала в каску и не пробила ее. Вторая попала в правый висок и вышла у нижней челюсти, слева. Кровь хлынула изо рта, носа и ран. Офицер думал, что я убит. Пнув меня напоследок ногой, он ушел вместе с солдатами. Но я был жив, даже не потерял сознание. Прележав до наступления темноты, я уполз в лес и ползком добрался до своих».

В немецкой армии широко расцвело мародерство, поощряемое верховным командованием. В инструкции генерального штаба от 13 июля 1941 года предлагается «всеми средствами захватывать все кожаные предметы... чтобы использовать для собственного снабжения», причем рекомендуется забирать

их и у живых, и у мертвых. Гитлеровские мародеры сдирают обувь, одежду, белье не только с убитых, но и с раненых советских бойцов. «С наступлением зимних холодов,—отмечается в ноте т. Молотова,—мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники, в погоне за теплыми вещами, не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но они берут буквально все теплые вещи—валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер».

Жестокие зверства совершают гитлеровцы и над военно-медицинским персоналом частей Красной Армии, который, согласно международному праву, должен пользоваться неприкосновенностью. Они грабят, пытаются и убивают военных врачей, медицинских сестер, санитаров и санитарок, попавших к ним в руки.

В местечке Рудня, Смоленской области, фашистско-германские части, захватив советский полевой госпиталь, расстреляли всех раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. В районе деревень Кудрово и Борисово, Ленинградской области, был зверски замучен начальник дивизионного медицинского пункта, военврач 3-го ранга И. С. Лыстого. «Он весь был исколот штыками. В голове и плече имелись пулевые раны. Лицо носило следы диких побоев. Несколько в стороне, в лесу нашли тело изуродованного санитаря П. М. Богачева. В другом месте ва-

лялся на дороге труп растерзанного шофера санитарной машины Горбунова». «Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки». (Из ноты тов. Молотова).

Еще во время первой империалистической войны державы, воевавшие с Германией, резко протестовали против обстрела немцами полевых лазаретов и потопления госпитальных судов. В теперешней войне нападение гитлеровских вооруженных сил на санитарные учреждения сделалось повседневным явлением. Фашистские стервятники бомбят госпитали и санитарные поезда, фашистские пираты топят госпитальные суда и вдобавок хладнокровно расстреливают пытающихся спастись раненых и больных.

Вот отдельные факты из донесений советских военных врачей с фронта и рассказов раненых красноармейцев.

«Н-ский санитарный поезд, двигавшийся с ранеными, был обстрелян вражеской авиацией. Убито пять человек, ранено пять. Над другим санитарным поездом немецкие самолеты прошли на бреющем полете. Имели место бомбежка и пулеметный обстрел. В результате повторные ранения, убит санитар». «Восемь фашистских самолетов напали на Н-ский полевой госпиталь. В результате бомбардировки сожжены пять помещений с ранеными. При выносе раненых из горящих палаток фашисты об-

стреливали их из пулемета. Многие раненные погибли, большинство получили вторичное ранение».

Красноармейцы Соколов и Мещеряков и лейтенант Константинов, находившиеся на излечении в московском военном госпитале, рассказывали: 15 июля 1941 г. со станции Кардымово (близ Смоленска) отправился санитарный эшелон с ранеными. Не доезжая до станции Ярцево, на рассвете 16 июля поезд подвергся нападению 17 немецких стервятников. Эшелон был вынужден остановиться. Немецкие летчики не могли не видеть выползавших из вагонов раненых, но они продолжали бомбежку и, снижаясь, расстреливали их из пулеметов. 18 июля 1941 года, воспользовавшись пасмурной погодой, один фашистский стервятник внезапно налетел на станцию Дурово и поджег зажигательной бомбой вагон с тяжело ранеными. Железнодорожных рабочих, подоспевших на помощь и спасавших людей из горящего вагона, немецкий пират обстрелял из пулемета.

По сообщению Советского Информбюро 19 августа 1941 г. фашистскими самолетами было потоплено госпитальное судно «Сибирь», перевозившее из Таллина в Ленинград раненых бойцов и эвакуированных женщин и детей. Несмотря на отчетливые знаки Красного Креста, немецкие летчики забросали пловучий госпиталь фугасными и зажигательными бомбами. Судно было разрушено. Раненые женщины и дети пытались спастись на шлюпках. Тогда гитлеровские изверги перешли на бреющий полет и из пулеметов расстреливали спасавшихся. Героическими усилиями военврачей т. т. Байковой и Пер-

сидской, медсестры Шалимовой и команды судна часть раненых женщин и детей была спасена и доставлена в Кронштадтский госпиталь.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ БАНДИТОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Гитлеровские бандиты демонстрируют свою «арийскую доблесть» не только над пленными и ранеными бойцами, но и над мирным населением временно захваченных ими районов. Поведение немецко-фашистских орд опрокидывает самые элементарные представления международного права о режиме военной оккупации. Международное право рассматривает военную оккупацию как временное занятие неприятельской территории до окончания военных действий, предпринимаемое в силу военных соображений. Гагское «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» предписывает оккупационным войскам уважать жизнь и собственность мирного населения оккупированных территорий, уважать его честь и семейные права, его обычаи и религиозные убеждения (ст. XLVI), оно запрещает грабежи (ст. XLVII), разрушение зданий, сельскохозяйственных угодий и т. п. (ст. LV) и в особенности разрушение исторических памятников, научных и художественных учреждений, обязывая преследовать всякое преднамеренное действие подобного характера (ст. LVI), оно предписывает щадить госпитали и места, где собраны больные и раненые (ст. XXVII) и т. д.

Еще во время первой мировой войны мировое общественное мнение неоднократно выражало негодо-

вание против массовых расстрелов немецкими оккупационными властями мирных жителей в России, в Бельгии и во Франции, в частности, против поголовного расстрела заложников, против разграбления исторических и художественных ценностей и т. д. Немецко-фашистские же войска не только самым варварским образом нарушают каждый параграф международного права о режиме военной оккупации, но творят такие чудовищные преступления, которые не наблюдались с самых отдаленных времен. Нота тов. Молотова от 6 января 1942 года «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», направленная послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, излагает только небольшую часть чудовищных преступлений немецко-фашистских захватчиков, но и эта часть рисует такую картину, от которой стынет в жилах кровь.

«Освобождение частями Красной Армии в процессе ее продолжающегося контрнаступления ряда городов и сельских местностей, находившихся временно в руках германских захватчиков,— говорится в ноте,—выявило и с каждым днем все более продолжает выявлять неслыханную картину повсеместного грабежа, всеобщего разорения, гнусных насилий, издевательств и массовых убийств, учинявшихся немецко-фашистскими оккупантами над мирным населением при их наступлении, во время оккупации и при отступлении». Каждое вступление немецко-фашистских войск на занятую ими территорию ознаменовывается массовыми убийствами, неудер-

жимым грабежом и дикими разрушениями, установлением режима каторжного труда и вопиющих зверств и издевательств, перед которыми бледнеют самые страшные преступления, известные в человеческой истории.

Фашистские разбойники грабят до тла все оккупированные местности от крупных городов до мелких селений. Они грабят не только склады и магазины, но отбирают последние вещи и продукты в каждой квартире, в каждой избе. «В занимаемых германскими властями деревнях мирное крестьянское население подвергается безудержному грабежу и разбою. Крестьяне лишаются своего имущества, нажитого упорным трудом целых десятилетий, лишаются избы, скота, хлеба, одежды,—всего вплоть до последней детской рубашонки, до последней горсти зерна. Во многих случаях сельское население, включая стариков, женщин и детей, сразу же после занятия села, изгоняется немецкими оккупантами из своих жилищ и вынуждено ютиться в землянках, в земляных щелях, в лесу и просто под открытым небом. Оккупанты среди бела дня на дорогах раздевают первых встречных, в том числе и детей, жестоко расправляясь со всеми, кто пытается протестовать или оказывать грабежу какое-либо сопротивление». (Из ноты тов. Молотова).

В Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Ленинградской, Ростовской, Ворошиловградской и других областях каждая военная часть немецких захватчиков, проходившая через данную местность, подвергала население новому и новому ограблению, возобновляя поджоги и расстрелы за

неодачу продовольствия. Вступив в какое-либо селение, гитлеровские бандиты немедленно принимались за грабежи. Лейтенант Волков так, например, описывает прохождение немецких войск через местечко Селище. 16 июля два мотоциклиста и одна бронемашина въехали в местечко Селище. Вначале они обстреляли поселок из пулемета. Били прямо по окнам домов. Затем они подъехали к магазину, сломали замки и двери и начали грабить все, что попадет под руку. Разграбив магазин, фашисты пошли по домам колхозников и стали забирать кур, яйца, масло, свиней, овец. По курам, которые разбегались в разные стороны, бандиты открыли стрельбу из пистолетов и даже винтовок. Они забирали все—подушки, одеяла, занавески с окон, скатерти, одежду, белье. Погрузив награбленное на мотоциклы и в машину, фашисты уехали.

Немецко-фашистские грабители буквально вырывают у мирного населения последний кусок из рта, раздевают и разувает его догола. В деревне Маслово, Тульской области, они отобрали у населения все продукты и довели дело до того, что в этой деревне ежедневно умирало от голода 1—2 человека. В селе Голубовка, Ворошиловградской области, они подвергли жителей, у которых уже ранее ими были отняты все запасы продовольствия, дополнительному ограблению, отнимая последние остатки пищи у женщин и детей и все домашние вещи, одежду, подушки, одеяла, кухонную утварь, которую можно было унести. У колхозницы Лещенко, матери трех малолетних детей, немцы забрали даже детские сорочки и пальто и все оставленное для детей питание.

Свои грабежи немецкие оккупанты сопровождают страшными зверствами, истязая и расстреливая за малейшую попытку защититься от грабежа. «Повсюду германская армия установила режим кровавых репрессий под предлогом, что сдано не все продовольствие, что отданы не все теплые вещи, что сдача вещей и продуктов происходит недостаточно быстро и т. п. Попытки заявлять германским властям на мародеров и грабителей рассматриваются как «коммунистическая пропаганда» и сочувствие советской власти и ведут к новым расправам». (Из ноты тов. Молотова).

В деревне Власово, Московской области, одна из колхозниц, оказавшая грабителям сопротивление при краже ими капусты и картофеля, была ранена из автомата, а когда раненая женщина начала кричать и проклинать бандитов, немцы расстреляли ее очередью из автомата, после чего стали расстреливать из автоматов собравшееся население деревни. В селе Красное, Обуховского района, Киевской области, немцы застрелили колхозницу Иваненко только за то, что она отказалась отдать им последнего поросенка.

Вопреки содержащемуся в Гаагском «Положении» запрещению оккупационным войскам отнимать собственность общин и общественных учреждений, немецкие захватчики издают официальные приказы о переходе колхозной земли и колхозного имущества в собственность германской армии. Один из таких приказов от 9 июля 1941 г. гласил: «В течение 48 часов после опубликования настоящего приказа все бывшее колхозное имущество, находящееся у селян,

должно быть сдано соответствующим управляющим. За невыполнение—расстрел». Такими кровавыми мерами фашистские разбойники пытаются воспрепятствовать спасению колхозного имущества от их грабительских рук.

«Безудержному грабежу подверглось и **городское население** во временно оккупированных немцами районах. Повсеместно в захваченных ими городах немецкие офицеры и солдаты врываются в квартиры местных рабочих, служащих, интеллигентов, престарелых пенсионеров и, не считаясь ни с чем, не гнушаясь никаким воровством, хватали все, что попадалось под руки от ценных вещей до простой кухонной утвари. Весь этот разбой мародеров сопровождается кровавыми репрессиями». (Из ноты товарища Молотова).

В городах так же, как и в деревнях, немцы начинают грабить, едва вступив в черту города. В освобожденном Красной Армией Ростове-на-Дону немцы ограбили все магазины, стаскивали с прохожих на улицах одежду и обувь, отбирали у них часы и другие ценные вещи, подвергали повальному ограблению квартиры, уничтожая то, что им не удавалось захватить с собой. В городе Истре, Московской области, они забрали у населения буквально все имущество: белье, одежду, посуду, мебель и подвергли жителей массовому выселению из квартир. Они раздевали и разували местных рабочих и работниц прямо на улице.

Но гитлеровские разбойники не ограничиваются грабежами. Обуреваемые человеконенавистническими инстинктами людоедов и особенно жгучей нена-

вистью к народам Советского Союза, они разрушают то, что им не удается ограбить, разрушают все, что создано упорным человеческим трудом и необходимо для жизни мирного населения. «Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики, они несли с собой разрушение и разорение наших городов, сел и деревень. Десятки городов, тысячи сел и деревень во временно оккупированных районах СССР ими разрушены, а то и сожжены дотла. Зарегистрированы многочисленные факты разбойничьего разрушения и уничтожения германскими войсками городских зданий, предприятий, сооружений, целых кварталов, как это имело место в Минске, Киеве, Новгороде, Харькове, Ростове, Калининe и других городах». (Из ноты тов. Молотова).

Опубликованные в советской печати документы, в частности приказ генерала Рейхенау, показывают, что массовые убийства и разрушения проводятся по прямой директиве главарей фашистской Германии. Фашистская банда преследует определенную цель: истребить народы Советского Союза, уничтожить их материальную и духовную культуру. Именно поэтому немецкие оккупанты сжигают библиотеки, институты, лаборатории, музеи, превращают школы в публичные дома. Именно поэтому они с особым усердием уничтожают высшие духовные ценности народов СССР.

Всякая война влечет за собой разрушение множества человеческих ценностей: разрушаются здания, заводы, железные дороги и т. д. Но имеются у каждого народа такие ценности—памятники истории,

архитектуры, искусства—которые входят в сокровищницу мировой культуры и охраняются человечеством при всех обстоятельствах. Международное право строго запрещает воюющим посягать на такие ценности. Гаагское «Положение» специально указывает, касаясь поведения оккупационных войск на неприятельской территории: «Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение... исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию» (ст. LVI). Фашистские громилы, попирая все соглашения, все человеческие законы, хотят оплевать душу нашего народа и злорадно уничтожают наиболее дорогие для него духовные ценности, заботливо оберегавшиеся годами и столетиями: его исторические культурные, научные, художественные памятники. Они разрушили Новгородский кремль и другие старинные архитектурные сооружения Новгорода и Пскова—памятники русского зодчества. В городе Истре, в старинном монастыре, известном под названием Нового Иерусалима, который был основан еще в 1654 году и реставрирован в XVIII веке великими архитекторами Растрелли и Казаковым и который является выдающимся историческим и религиозным памятником русского народа, немецко-фашистские погромщики устроили склад боеприпасов, а при отступлении из Истры взорвали его и превратили в груду развалин.

Никогда не забудет русский народ и все передовое человечество, как фашисты надругались над Музеем-усадьбой Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, над Домом-музеем Чайковского в Клину, над До-

мом-музеем Чехова в Таганроге, Римского-Корсакова—в Тихвине.

В Ясной Поляне немецко-фашистские оккупанты сожгли на кострах не только деревья, изгороди и скамейки в парке, но и мостик, построенный самим великим писателем, мебель в его комнатах, книжные полки в его кабинете. На просьбу сотрудников музея пощадить мебель и воспользоваться имеющимися рядом дровами немецкий врач Шварц ответил: «Нам дрова не нужны. Мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого». Фашистские изверги растащили и уничтожили редчайшие рукописи, книги, картины Репина, Сурикова, Левитана, произведения Л. Н. Толстого, изданные на всех языках мира. Много ценных экспонатов они сложили на грузовики для отправки в Германию. Они выбивали стекла из рам и срывали ценнейшие картины и фотографии. Они не только грабили музей Толстого, они дико глумились над памятью гениального писателя и чувствами русского народа. В бытовом музее они устроили казарму, часть дома превратили в уборную. Они осквернили даже могилу Толстого. Перед отступлением из Ясной Поляны они заложили мину, сложили в библиотеке и в двух других комнатах костры и подожгли дом, предварительно сломав все пожарные машины и испортив водопровод. Лишь с большим трудом служащим музея и окрестным колхозникам удалось прекратить пожар и отстоять здание.

В Клину немецко-фашистские оккупанты превратили в солдатскую казарму Дом-музей Чайковского, дом, где жил и творил великий русский композитор.

Они вышвырнули из зал-музей ценнейшие экспонаты, а один зал превратили в гараж мотоциклов. Они топили печку мебелью, книгами, нотами и партитурами великого композитора.

Они разрушили дом великого русского композитора Римского-Корсакова в городе Тихвине, дом всемирно известного русского писателя Чехова в Таганроге, они уничтожили памятник великого украинского поэта Тараса Шевченко в городе Каневе.

Все эти злодеяния гитлеровского зверья гораздо отвратительнее варварства и вандализма старых времен. Это—не слепая ярость разрушения, а сознательное глумление над величайшими духовными ценностями народа, над величайшими памятниками мировой культуры. Это акты изощренной дикой ненависти к человечеству и утонченного зверства. С полной справедливостью писала английская газета «Таймс» в передовой статье от 29 декабря 1941 г. «Уничтожение домов Толстого, Чехова и Чайковского не бесцельно и это не варварство. Это сознательный акт, совершенный по соображениям, которых не понял бы ни один варвар. Пора уже оправдать гуннов, готов и вандалов от незаслуженного обвинения в том, что они напоминают современных немецких захватчиков. Немецкие захватчики несравненно хуже гуннов». Злодеяния гитлеровцев свидетельствуют, что они, стремясь превратить русский народ и другие народы Советского Союза в своих покорных рабов, сознательно издеваются над их национальными чувствами, над их человеческим достоинством. С этой же целью «во всех оккупированных областях германское правительство насади-

ло в качестве местных фашистских властителей всяких проходимцев из гитлеровской партии, которые не считаются ни с какими гражданскими правами, ни с какими национальными особенностями населения и которые хотят все онемечить и истребить недовольных». (Из ноты тов. Молбтова).

В своих издевательствах над национальными чувствами братских народов Советского Союза гитлеровские злодеи доходят до изощренного садизма. Так например, в Минске, где тысячи людей были загнаны в концентрационные лагеря, 21 июля 1941 года комендант лагеря заставил большую группу евреев вырыть котлованы. Когда ямы были готовы, евреев связали и бросили в яму. Затем фашисты приказали белоруссам, находившимся в лагере, засыпать евреев землей. Они хотели, чтобы воспитанные в духе дружбы и братства народы Советского Союза по их приказу убивали друг друга. Но это им не удалось. Все белоруссы, как один, наотрез отказались выполнить это чудовищное приказание коменданта. Тогда рассвирепевшие фашисты из пулеметов расстреляли 45 евреев и 30 белоруссов.

Грабя мирное население оккупированных территорий, разрушая его дома, издеваясь над его человеческим достоинством, немецкие оккупанты стараются превратить его в свой рабочий скот. Международное право, допуская натуральные повинности населения оккупированной местности, требует, чтобы эти повинности оплачивались в кратчайший срок, не являлись бы особенно обременительными и «чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отече-

ства» (ст. LII) Гаагского «Положения»). Гитлеровцы с величайшим бесстыдством и наглостью попирают ногами это элементарное требование. «Везде, где только на советской территории появлялись германские войска и германские власти, немедленно устанавливается режим жесточайшей эксплуатации, бесправия и произвола в отношении беззащитного гражданского населения. Оккупанты вводят режим каторжного труда для разоренного и лишаемого средств существования мирного населения. Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья советских граждан, гитлеровцы, заняв или разрушив их дома, загоняют многих из них в концентрационные лагеря, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера». (Из ноты тов. Молотова).

После занятия Киева немецкие оккупанты сгоняли на работу все гражданское население от 11 до 60 лет без различия профессий, пола, состояния здоровья, национальности. Больных, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы они штрафовали по 50 рублей ежедневно. В городе Пятихатка, Днепропетровской области, немцы согнали все население на принудительные работы по ремонту дорог, заставляя работать по 20 часов в сутки и не давая ни хлеба, ни воды. Стариков и женщин, падавших от истощения, гитлеровцы избивали прикладами и вновь заставляли работать под страхом жестоких наказаний и расстрелов.

Сплошь и рядом принудительные работы носят непосредственно военный характер. При этом «в

ряде случаев после использования гражданского населения для выполнения тех или иных работ военного характера, работавших, для сохранения тайны, подвергают поголовному расстрелу». (Из ноты тов. Молотова). В деревне Колпино Смоленской области оккупанты погнали всех крестьян строить мосты и блиндажи для германских частей, а по окончании строительства этих укреплений все крестьяне были расстреляны. Точно также были расстреляны 40 местных жителей и пленных красноармейцев в районе украинского селения Кряков после того, как они окончили принудительные работы по строительству укреплений на правом берегу Днепра.

Мирное население оккупированных территорий часто используется для военных работ, связанных с опасностью для жизни, например, для разминирования участков и объектов, лежащих впереди наступающих немецких частей. Такие случаи не единичны, а встречаются весьма часто. В приказе по 76-й немецкой пехотной дивизии от 11 октября 1941 г. в пункте 6-м, касающемся разминирования, говорится: «необходимо применять для работ, связанных с опасностью для жизни, пленных и отдельных лиц из местного населения».

Попирая все нормы международного права, все обычаи воюющих государств, немецко-фашистские бандиты нередко объявляют мирных жителей оккупированных территорий «военнопленными» и помещают их в лагеря для военнопленных, используя вместе с последними на тяжелых принудительных работах. Так например, в приказе по 101-му мотополку 18-й немецкой танковой дивизии, захваченном

советскими войсками в городе Ефремове, предписывалось: «всех мужчин,, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных». В одном из таких лагерей, близ города Плавска, Тульской области, где вместе с военнопленными содержалось также гражданское население из окрестных деревень, среди заключенных в лагере имелись и подростки и старики. Питание составляли две картофелины и немного каши из ячменя в сутки, а вместо воды предлагали утолять жажду снегом. В лагере умирало по 25—30 человек в сутки. Если заключенные собирались группой, то немцы стреляли в них без предупреждения.

Тысячи мирных жителей под видом «военнопленных» угоняются немецкими захватчиками в глубокий германский тыл для подневольного труда у немецких помещиков. Так например, вступив 22 ноября в деревню Фаустово, Звенигородского района, Московской области, немецкие власти собрали все население и, отобрав мужчин и здоровых женщин, направили их в свой далекий тыл. Сотни крестьян были уведены из деревень Лучане, Семица, Дубовешкая, Королевщина, Абрамовщина, Ильинского района, Смоленской области. Особенно практиковалось подобное варварство при отступлении немцев из оккупированных районов. Отступая, немцы угнали в свой тыл население деревень Ершово, Скоково, Функово, Звенигородского района, села Есипово, Солнечногорского района, Московской области, а также население целого ряда деревень Московской, Калининской, Тульской, Рязанской, Орловской, Харьковской и других областей.

355665

Гитлеровцы устанавливают на оккупированных территориях режим чудовищного кровавого террора, превращая массовые убийства, пытки и истязания в повседневные явления. В то время как международное право строго запрещает посягать на жизнь и личность мирного населения оккупированных территорий, запрещает налагать какие-либо наказания на все население за действия отдельных лиц, запрещает принуждать население оккупированной местности давать сведения об армии и средствах обороны своей страны (ст. ст. ILVI, L, ILIV Гаагского «Положения»), немецкие оккупанты истязают, вешают и расстреливают за малейшее невыполнение их противозаконных грабительских требований, за отказ давать сведения о расположении частей Красной Армии и военных объектов, при этом они не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей.

Красноармеец Володин, десять дней находившийся в тылу у немцев, рассказывает: «Утром 25 июля немцы заняли деревню Большая Земляница, что в 28 километрах от города Пропойска. Все взрослое мужское население ушло из села к партизанам, которые действовали в этом районе. В селе остались только женщины, дети и старики. Заняв село, немцы согнали всех жителей на площадь и стали добиваться, кто ушел к партизанам. Все молчали. Тогда они вывели из оцепления трех мальчиков от 10 до 14 лет и одну 8-летнюю девочку, приставили к их вискам револьверы, заявив, что убьют их, если они не скажут, кто ушел к партизанам. Обезумевшие матери бросились к своим детям. Солдаты начали бить их прикладами, а один пьяный немецкий офи-

цер выхватил нож и стал им кромсать женщин. Крики селян заглушали стоны раненых женщин и плач детей. Офицер крикнул что-то солдатам, и они в упор стали расстреливать женщин и детей. Откуда-то обоку застрочил пулемет. Все это продолжалось не более 5 минут. Площадь оказалась усеянной трупами. Слышны были стоны раненых женщин и детей. Не было никого, кто бы им мог оказать помощь. Почти весь день немцы никого не подпускали. Только к вечеру они разрешили убрать убитых и раненых».

В селе Городище фашисты потребовали от местного населения выдачи крестьян, ушедших в партизанские отряды. Жители деревни наотрез отказались выполнить это требование. Тогда фашистские мерзавцы расстреляли каждого пятого жителя деревни, в том числе женщин и детей.

Немецко-фашистские бандиты подвергают зверским пыткам советских работников, активистов. Захватив село Каменка, фашисты подвергли пыткам семьи общественных работников: у мужчин отрезали уши, вспарывали животы, у женщин выкалывали глаза и отрезали груди. Замученных людей немецкие солдаты по приказу офицера, стащили в большой сарай и сожгли.

Две колхозницы сельхозартели «Новая жизнь» Анна Межевова и Галина Остапенко рассказали о чудовищной пытке, совершенной над председателем сельского совета, 50-летним беспартийным крестьянином Александром Даниловичем Николаенко. Угрожая пулеметом, немецкие оккупанты согнали кре-

стьян на площадь перед сельским советом. Николаенко привязали за руки и ноги к двум танкеткам. Танкетки двинулись в противоположные стороны и у несчастного были вырваны руки и ноги. В страшных мучениях, с проклятием фашистским разбойникам на устах скончался он на глазах у потрясенных жителей села. Фашистские офицеры, угрожая поголовным расстрелом, потребовали выдачи остальных депутатов сельского совета. Когда крестьяне отказались выполнить это требование, фашисты схватили семерых стариков-крестьян, связали их веревками и поставили в центре площади. По команде офицера фашистский танк передавил всех семерых своими гусеницами.

Фашисты запрещают хоронить жертвы своих казней, оставляя подолгу неубранными трупы для устрашения населения. Младший воентехник Додашев рассказывает: «Я видел на окраине одной деревни близ Белостока пять заостренных колов. На них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, с отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей». Еще больше это практикуется в больших городах. После захвата Харькова немцы повесили несколько человек в окнах большого дома в центре города. 16 ноября на балконах ряда домов ими было повешено 19 человек, в числе которых была одна женщина. В Волоколамске фашистские разбойники повесили в центре города 8 человек, из них двух девушек, и не давали убирать эти трупы в течение всего времени, пока они были в городе.

«Но гитлеровцы не ограничиваются убийствами отдельных советских людей. В истории гитлеровского разбоя и террора на захваченной советской территории выделяются своим кошмарным изуверством массовые убийства советских граждан, которыми, как правило, сопровождается временный захват немцами городов, сел и других населенных местностей» (Из ноты тов. Молотова).

Вступив в город Львов, гитлеровцы устроили резню под лозунгом «бей евреев и поляков», а после того, как сотни людей были перебиты, они открыли «выставку» убитых в здании пассажа. У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок.

В Киеве за несколько дней немецкие оккупанты убили и растерзали 52 тысячи мужчин, женщин, стариков и детей. Собрав на еврейском кладбище большое количество стариков, женщин и детей всех возрастов, их сначала раздевали догола и избивали, а затем группами заставляли ложиться на дно рва вниз лицом, расстреливали из автоматов, слегка засыпали землей и на их место вторым ярусом укладывали следующие партии казнимых.

За 10 дней пребывания в Ростове немцы убили десятки и сотни жителей, особенно в рабочих районах города. У дома Управления железной дороги немецкие автоматчики среди бела дня расстреляли 48 человек. На тротуаре центральной улицы города гитлеровцы расстреляли 60 человек. На армянском кладбище убили 200 человек.

Вот приблизительные цифры массовых убийств мирного населения в некоторых советских городах, приведенные в ноте тов. Молотова: в городе Львове было расстреляно не менее 6000 человек, в Одессе — свыше 8000 человек, в Каменец-Подольске расстреляно и повешено около 8500 человек, в Днепропетровске расстреляно свыше 10500 человек, Мариуполе — более 3000 местных жителей, включая многих стариков, женщин и детей, в Керчи, по предварительным данным, было убито около 7000 человек.

Истребляя советское население на оккупированных ими территориях, фашистские звери не щадят и детей. В Полоцке фашистские летчики бомбили жилые дома и детские учреждения. Лейтенант Шарин был очевидцем массового расстрела детей в Бессарабии. Колонна детей одной из бессарабских колоний, рассказывал он, уходила из района бомбометания в тыл, в направлении Тирасполя. Озверелые хищники на самолетах «Мессершмитт» сделали по несколько заходов и расстреляли колонну из самолетов. Из 450 детей спаслось только около пятидесяти. Майор Мурачев был свидетелем расстрела женщин и детей, следовавших по дороге в 10 километрах от местечка Калининской области. Это было 5 июля 1941 года. Как рассказывал тов. Мурачев, фашистские самолеты неожиданно налетели на колонну беженцев и стали ее бомбить и расстреливать из пулеметов. В результате было убито и ранено много детей, женщин и стариков. Дорога была завалена трупами. Политрук Артеменков рассказывал: знаю случай, когда немецкие самолеты днем разбомбили детский сад, хотя было видно, что на пло-

щадке перед зданием играли дети. В результате было убито 25 детей.

Фашистские изверги часто гоняются даже за отдельными жертвами. Потрясающий факт сообщила санитарка Анна Петровна Великова: «Я шла по проселочной дороге по направлению к городу Старая Русса. Был ясный солнечный день. По пути я нагнала колхозницу. На руках у нее был грудной ребенок, а рядом с ней шла 8-летняя дочь. Как сейчас помню я эту девочку. Ее звали Надей. Когда я подошла к ним, она доверчиво взяла меня за руку и стала рассказывать, что ее папа ушел на войну, что у нее был маленький братишка, но его убило бомбой, которую бросили фашисты в их деревню. Лицо девочки было немного бледным и исхудалым. Особенно мне запомнились ее глаза. Большие, голубые, они как-то не по-детски серьезно смотрели на меня, когда она говорила.

Неожиданно над нами загудел самолет. Девочка испугалась и бросилась к матери. Самолет летел очень низко, и я ясно увидела, что это не наш самолет. Я сказала об этом женщине, и она побежала назад по дороге. Спрятаться было некуда. Фашистский летчик очевидно, заметил нас, снизился еще больше и стал стрелять в нас из пулемета. Я легла в канаву возле дороги. Женщина вместе с детьми, обезумев от страха, бежала по дороге.

Я слышала, как заплакала девочка. Затем самолет развернулся и снова стал обстреливать дорогу. Женщина добежала до кустарника и спряталась. Я видела, как самолет снова развернулся и бросил

возле кустарника фугасную бомбу. Когда я подбежала к ним, они были уже мертвы».

А вот какой факт имел место в городе Калинин — он приведен в ноте тов. Молотова. В ноябре месяце 1941 г. телеграфистка К. Иванова вместе со своим 13-летним сыном Леонидом пошла к своим родственникам в село Бурашово около Калинина. Когда они вышли из города и их заметили гитлеровцы, они с расстояния 60 метров начали в них стрелять и убили мальчика. Каждый раз, когда мать пыталась поднять и унести труп ребенка, они открывали по ней огонь и она вынуждена была его оставить. В течение 8 дней немецкие солдаты не давали ей убрать труп и мальчик был похоронен только тогда, когда эта местность была занята нашими войсками.

Убийства беззащитных людей, стариков, женщин и детей стали настолько привычным делом для гитлеровского вояки, что немецкие солдаты и офицеры убивали младенцев за то, что их плач мешал им спать, превращали маленьких детей в мишень для стрельбы. В районном центре Волово, Курской области, немецкий офицер ударил головой о стену и убил 2-летнего сына Бойковой за то, что ребенок плакал. В Злобинском сельсовете Орловской области немцы убили 2-летнего ребенка колхозников Кратовых за то, что он мешал им спать своим плачем. В деревне Белый Раст, Красно-Полянского района, Московской области, группа пьяных немецких солдат поставила на крыльце одного дома в качестве мишени двенадцатилетнего Володю Ткачева и изрешетила его пулями из автомата. В селе

Воскресенское, Дубининского района, фашисты использовали в качестве мишени 3-летнего мальчика и по нему производили пристрелку пулемета.

Двуногие звери, вооруженные автоматами, изощряются в надругательствах над женщинами, девушками. Они насиловали женщин в присутствии их детей, детей в присутствии их родителей.

Облик гитлеровского разбойника ярко рисует дневник, найденный при убитом в боях на Украине немецком офицере обер-лейтенанте Краузе. Этот злодей прошел Польшу, Францию, Югославию, Грецию. Во всех странах он заносил в дневник свои «подвиги» изнасилвателя и развратника. «Скоро я стану интернациональным любовником, — писал он в этом дневнике. — Я обольщал крестьянок — француженок, полек, голландок»... Будучи на Украине, этот мерзавец записал: «Сегодня наконец мне удалось отвести душу. Девочка лет 15 была крайне пуглива. Она кусала мне руки, бедняжка, пришлось ее связать... Мне сказал лейтенант: «За эти подвиги тебе следует дать железный крест».

Изнасилование стало повсеместным и повседневным явлением в оккупированных немцами селах и городах. В украинском селе Бородаевка, Днепропетровской области, фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек. В деревне Березовка, Смоленской области, они изнасиловали и увели с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет. В городе Львове пьяные немецкие солдаты затаскивали молодых женщин и девушек в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика священника В. Л. Помазнева, который с крестом в

руках пытался предотвратить насилие над девушками, они избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком. В городе Тихвине фашисты изнасиловали в госпитале 15-летнюю М. Колодецкую, которая была доставлена туда раненой. Изнасилование явилось причиной ее смерти.

«Из сел и городов, освобожденных за последнее время от немецких оккупантов,—говорится в ноте тов. Молотова,—в частности, из разных районов Московской, Ленинградской, Калининской, Тульской, Орловской, Курской, Ворошиловградской, Сталинской, Ростовской областей каждый день поступают сообщения о произведенных в дни оккупации гнусных насилиях в отношении женщин, девушек, школьниц и детей. Насильники, вместе с тем, во многих случаях являются также убийцами своих жертв».

Вот что, например, писала красноармейцу Пазуру его друг Цибульская: «Ночью фашисты ворвались в комнату твоей матери. Вся семья спала. Они начали безнаказанно грабить, но тут офицер увидел твой портрет в форме и твою литературу на этажерке. Он заорал и велел всех казнить. Солдаты ворвались в спальню и изнасиловали твою сестру Женю на глазах у матери, а потом ей отрезали грудь, натерли солью и она голая висела на столбе, пока какой-то солдат проехал мимо на мотоцикле и пристрелил ее».

Это— не единичный факт. Изнасилования, чинимые немецко-фашистскими бандитами, чаще всего сопровождаются истязаниями и убийствами их жертв.

В городе Львове 32 работницы Львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты немецкими штурмовиками. В Белоруссии возле города Борисово в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецких войск. Немцы изнасиловали, а затем зверски убили 36 женщин и девушек. 16-летнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес и изнасиловали, а после этого отрезали ей груди и штыками прикололи ее к доскам.

Насилия над женщинами приобрели в немецкой армии характер узаконенного явления. Сотни женщин и девушек и даже школьниц немецко-фашистские изверги загоняют в публичные дома, специально устраиваемые для солдат и офицеров. В Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загоняли сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой. В деревне Басмановой, Глинковского района, Смоленской области, немцы увезли в тыл большую группу школьниц «для господ офицеров».

Все эти чудовищные действия, для которых трудно подобрать названия, — ибо слова «злодейство», «преступление», «зверство» являются слишком бледными и недостаточными, — объясняются тем, что «идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего собственно и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немец-

кую армию» (Сталин), но эти действия, кроме того, непосредственно поощряются германским фашистским правительством и вышшими военными властями. «Непререкаемые факты свидетельствуют, — констатируется в ноте тов. Молотова, — что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии среди офицеров и солдат самые низменные зверские инстинкты».

Это подтверждается целым рядом захваченных у немцев документов. Секретное циркулярное письмо всем командирам рот пропаганды от 17 июля 1941 года, захваченное частями Красной Армии при разгроме 67-й пехотной немецкой дивизии, гласит: «Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей Восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех прежних фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакие проявления мягкотелости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, не допустимы. Всемерно следует поощрять и развивать инициативу каждого солдата, вызывающего своими действиями страх перед германской расой». И далее: «Работникам пропаганды нужно воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чув-

ство личной материальной заинтересованности в войне». Воспитывая это «чувство», один из приказов германского командования, найденный в полевой сумке убитого танкиста-офицера, гласил: «Ведя войну на чужой территории, необходимо средства к жизни забирать и увозить с собой, в том числе: ткани, вино и т. д. Забирая богатство, мы создаем себе мощь». В другом приказе одного немецкого генерала, разосланном по воинским частям накануне наступления на советский город, говорится: «Всякий солдат имеет право взять в городе в личную собственность все, что он пожелает. Каждый может унести все, что он может унести».

Иначе говоря, немецкое командование воспитывает профессиональных убийц и палачей, профессиональных грабителей и мародеров.

От немецких разбойников не отстают и их трусливые и подлые лакеи. В приказе начальника штаба 14-й румынской дивизии полковника Николаеску за № 24220 говорится: «Хлеб, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, домашняя птица — все это должно быть изъято у населения для армии. В каждом доме необходимо производить тщательные обыски и забирать все без остатка... За малейшее сопротивление — расстреливать на месте, а дома — сжигать».

Многочисленные и разнообразные преступления немецко-фашистских бандитов и их вассалов на оккупированных территориях превосходят все мыслимые грани дикости и подлости. Преступления эти доходят до того, что вопреки прямому запрещению Гаагского «Положения» принуждать поддан-

ных противника принимать участие в военных действиях против их страны, гитлеровцы в ряде мест во время атаки под угрозой расстрела гонят толпы мирных жителей оккупированных мест впереди своих частей, используя их в качестве прикрытия.

28 августа при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи не в силах преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, погнали впереди себя под страхом расстрела женщин, детей и стариков, согнанных из города Добруш, Гомельской области, и за ними, скрывая свои боевые порядки, пошли в наступление. Такой же факт имел место в районе совхоза «Выборы», Ленинградской области. Фашисты, под угрозой расстрела, заставили женщин и детей идти впереди наступающих немецких частей. Увидев неслыханное злодеяние немцев, командир красноармейской части подполковник Старов немедленно прекратил фронтальный огонь и бросил своих бойцов на оба фланга наступающего противника. Разгромив фашистскую колонну, бойцы Красной Армии освободили 65 женщин и 47 детей, захваченных немцами. Не удалось спасти 15 женщин и детей. Они были найдены на поле с глубокими штыковыми ранами в спину и затылок. Спасенная красноармейцами работница совхоза Анна Сафронова рассказала: «Мы выехали ночью с детьми на подводах, чтобы уйти от фашистов. Но фашисты нагнали нас на автомашинах и погнали обратно. Два дня они издевались над нами. Сегодня нас всех согнали, выстроили и велели идти вперед». Аналогичный факт имел место также в Ельнинском районе, Смоленской области.

«Фашистские мерзавцы, — отмечается в ноте тов. Молотова, — продолжают пользоваться этим зверским и трусливым приемом вплоть до последних дней. 8 декабря гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной Армии. При боях наших войск за освобождение города Калинин части германского 303 полка 162 дивизии, пытаясь перейти в контратаку, собрали в пригородной деревне женщин и, поставив их впереди себя, пошли в бой. К счастью, советским войскам удалось, отбив эту атаку, вклиниться между гитлеровцами и их жертвами и спасти женщин».

Массовые убийства, грабежи и разрушения, чинимые немецкими оккупантами на советских территориях, возросли во много раз после того, как Красная Армия стала изгонять их из оккупированных ими районов. Оставляя занятую ими местность, гитлеровцы стараются физически истребить лучшую часть населения и уничтожить в этой местности все условия, необходимые для жизни. Они уничтожают захваченные у населения вещи и припасы, которые им не удастся увезти с собой, они разрушают и сжигают дома, отравляют колодцы. Как указывается в ноте тов. Молотова, такие города, как Истра, Клин, Рогачево — Московской области, Епифань — Тульской области, Ельня — Смоленской области и ряд других превращены в развалины. Сметены с лица земли сотни сел и деревень на Украине и в Бело-

руссии, в Московской, Ленинградской, Тульской и других областях. «В селе Дедилово Тульской области из 998 домов оккупантами сожжено 960, в селе Пожидаевка Курской области из 602 домов сожжено 554, в деревне Озерецкое Краснополянского района Московской области из 232 домов сожжено 225. Деревня Кобнешки того же района, насчитывающая 123 дома, сожжена полностью. В Высоковском районе Московской области в деревне Некрасино из 99 домов сожжено 85, в деревне Бакланово из 69 сожжено 66. Уходя из сел Красная Поляна, Мышечкое, Ожерелье, Высоково—Московской области, немцы выделяли автоматчиков, которые бутылками с горючей жидкостью обливали дома и зажигали их. При попытках жителей тушить пожары немцы открывали огонь из автоматов. Из 80 дворов в селе Мышечкое осталось 5 домов, из 200 дворов в Ожерелье осталось 8 домов. В деревне Высоково из 76 домов уцелело 3 дома. А за слова 70-летнего крестьянина Григорьева Ф. К. «не жгите мою избу»—старик был расстрелян».

Все это также совершается по прямым указаниям германских военных властей. Международные соглашения запрещают воюющим разрушать неприятельскую собственность без настоящей военной необходимости, истреблять безоружных или употреблять на войне яд (ст. XXIII Гаагского «Положения»). А вот что предписывает своим войскам гитлеровское командование. В захваченном частями Красной Армии приказе по 512 немецкому полку за подписью полковника Шитниг говорится: «Зона, подлежащая смотря по обстоятельствам эвакуации,

должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой дома, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью». Это поголовное истребление мирного населения и превращение человеческих поселений в груды развалин также рассматривается гитлеровцами, как непременное условие «тотальной войны».

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ

Преступления гитлеровских разбойников в обращении с пленными и ранеными бойцами и с мирным населением оккупированных территорий составляют только небольшую часть варварских нарушений ими международного права. Пиратские действия гитлеровцев на море, бомбардировка ими мирных городов и селений—все их поведение в войне представляет собою непрерывную цепь подобных преступлений. «Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз,—не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую разбойничью сущность» (Из ноты тов. Молотова).

Гитлеровцы готовятся к применению самых звер-

ских средств войны, строжайше запрещаемых международным правом—к химической и бактериологической войне, впервые введенной немцами во время первой мировой войны. Еще в 1933 году фашистский «военный теоретик» доцент Ганноверского политехникума Эвальд Банзе в своей книжке «Наука о войне» писал, что «в будущем заражение с самолетов газами участков фронта и важных промышленных пунктов всей вражеской страны сыграет решающую роль». Банзе объявлял химию и биологию важнейшими средствами «тотальной войны». «Биология,—пояснял он,—придает войне характер борьбы за полное уничтожение целых народов. Имеется ввиду заражение питьевой воды тифозными бактериями, затем занесение тифа через вшей, а также чумы через искусственно зараженных крыс. Особенно хороших результатов могут добиться самолеты, которые, спустившись во вражеском тылу, высадят носителей инфекции». «Поучения» Банзе вызвали тогда негодующие отклики во всей мировой прессе, но они полностью отражали планы и намерения нацистов.

Применение на войне удушливых и ядовитых газов и бактериологических средств войны было в категорической форме запрещено Женевским протоколом 1925 г., под которым подписалось свыше 30 государств и к которому Германия добровольно присоединилась в 1929 г. Но если империалисты кайзеровской Германии, применившие в 1915 году отравляющие вещества, не постеснялись нарушить торжественные постановления Гаагской конференции 1899 г., то могут ли стеснить какие бы то ни

было международные соглашения гитлеровских людоедов, этих самых хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира, этих профессиональных убийц, утративших все человеческое и спустившихся до уровня диких зверей? О том, что гитлеровцы готовятся к химической и бактериологической войне, неопровержимо свидетельствуют подробные и тщательно разработанные секретные инструкции немецкого военного командования по применению отравляющих веществ, которые были разосланы отдельным воинским частям. Эти инструкции были захвачены частями Красной Армии летом 1941 г. Их текст и фотоснимки были тогда же опубликованы в советской прессе. Нет предела преступлениям гитлеровских бандитов. И чем больше будут они терпеть неудачи, тем к более варварским средствам, тем к более зверским преступлениям будут они прибегать.

В кровавых погромах, в пытках и истязаниях, в вероломстве и разбое ищут немецко-фашистские захватчики спасения от неминуемого банкротства. Истеричный, обезумевший от жажды крови «фюрер» назвал это «войной нервов» и хвастал, что таким путем он навяжет «более сильную волю более слабой воле противника» и выиграет «молниеносную войну». Но «молниеносная война» оказалась безнадежно проигранной. А чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков только усилили священную ненависть к ним в сердцах советского народа и удесятирили его отпор кровавой гитлеровской орде. «Не только Красная Армия, но и весь наш многомиллионный народ,—говорится в ноте

тов. Молотова—полон огненной ненависти и жаждет беспощадного отмщения за кровь и загубленные жизни советских граждан. Советские люди никогда не забудут тех зверств, насилий, разрушений и оскорблений, которые причинили и причиняют мирному населению нашей страны озверелые банды немецких захватчиков,—не забудут и не простят им».

Своими злодеяниями гитлеровские разбойники поставили себя вне человеческого общения. «Никакой пощады врагам человеческого рода!»—таково единое убеждение всех советских людей, всех честных людей во всем мире.

В своем докладе «XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» товарищ Сталин сказал:

«Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают».

«Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей Армии и нашего Флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов».

«Никакой пощады немецким оккупантам!»

«Смерть немецким оккупантам!».

Саратовское областное государственное издательство. 1942 г.
Отв. редактор И. Фомин. Корректор З. Чуднова

Подписано к печати 2/IV 1942 г. НГ18639. Тираж 25000.
Учетно-изд. л. 1,76. Печ. л. 1³/₄. Знаков в бум. л. 68000.
Цена 25 коп.

Саратов. Типография Облместпрома. Заказ № 431.